

НЕГИДАЛЬСКОЕ СОБАКОВОДСТВО (по материалам полевых исследований 1996—2005 гг.)

Андрей Петрович САМАР,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: samar_a2004@mail.ru

Статья посвящена традиционному занятию негидальцев — собаководству. Значение собаки как помощника в промысле лося, медведя, кабана, изюбря, соболя, белки и других животных исключительно велико. Автор отмечает, что в хозяйстве негидальцев важное место занимает транспортное собаководство, дает описание восточносибирской нарты. Собаководство было важной хозяйственной отраслью у многих сибирских этносов, особым этноидентифицирующим признаком.

Ключевые слова: негидальцы, транспортное собаководство, хозяйственная деятельность, охотничий промысел.

The Negidal dog-breeding (on materials of field investigation of 1996—2005. A. P. SAMAR.

The author of the article Candidate of Historical Sciences Andrey Samar considers that significant changes of economy and culture type of two Negidal subgroups (upstream and downstream Negidal peoples) is caused by influenced of different ethnic groups (such as the Ulchi and Nivkhs) and environment conditions. In the case of downstream Negidal group fishery became prevail over hunting that is why there was no need in reindeers. Negidal dog breeding affected on spiritual life and in its turn affected on craft and life cycle ceremonies. Upstream group lives side by side with the Evenks. But in spite of culture influence upstream Negidals preserved their own culture peculiarity. For both groups dog breeding played a great role in substance and ritual activities.

Key words: the Negidals, transport dog-breeding, economic activity, hunting.

Негидальцы относятся к северной ветви тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи. Основной ареал расселения находится в верхнем и нижнем течении бассейна р. Амгунь (*Эмнун* по-негидальски — широкая, светлая). Разделяются на две территориальные и диалектные группы: верхнеамгуньскую и нижнеамгуньскую.

В территориальном и культурном отношении негидальцы близки к амгуньским эвенкам, язык имеет сходство с тугуро-чумиканским диалектом эвенкийского языка. Одно из самоназваний у представителей обеих групп *ёлкан*, *илкан*, *ёлкан бэйэнин* (низ., верх. д-кт негид. яз.) отражает принадлежность негидальцев к нижеамурскому собаководству. Анализируя этот этноним, следует рассмотреть его с позиций хозяйственной деятельности.

Использование оленей у негидальцев имело эпизодический характер и никогда не являлось основой хозяйства, чего нельзя сказать о транспортном собаководстве. Термины, ставшие образующими, имеют прямое отношение к этой сфере деятельности: *ёлкан*, *илкан* — сиденье в нарте, настил нарты, *бэйэнин* — человек. Таким образом, негидальцы осознавали себя «людьми, сидящими в нартах, едущими на нартах». Этноним *ёлкан бэйэнин* говорит о функционировании одной из важнейших хозяйственных отраслей — ездового собаководства. Известно, что основные виды промыслов (охотничий и рыболовецкий) не могли обходиться без собачьего транспорта.

Анализ терминов показал наличие представлений негидальцев, связанных с постоянным движением в нартах. «Сидящие в нартах», «едущие на нартах», «едущие на собаках» — эти и другие этнонимы, так или иначе отражающие один из важнейших способов хозяйствования, были распространены у нижеамурских и дальневосточных этносов. Подобные аналогии мы находим в других распространённых названиях. Наиболее известны из них *шицюаньбу* — едущие на собаках, так назывались народы Амура в китайских средневековых хрониках. Одно из самоназваний северобайкальских эвенков — *хундышал* «хозяева собак», таким образом собаководы-тунгусы отличали себя от эвенков-оленоводо-дов. Широкое использование собак характерно не только для сибирских, но и для североамериканских этносов.

Территориальные группы негидальцев кроме диалектных особенностей имеют отличия в ведении хозяйства. Осваивая бассейн Амгуни, они спускались с верховьев к устью реки. Здесь и была сформирована низовская группа. В середине 1940-х гг. отдельные группы низовских негидальцев перекочевали на правый берег Амура, где поселились в амурских стойбищах Тыр, Кальма и Белоглинка, находившихся на стыке границ этнических ареалов нивхов и ульчей. Так, в своеобразном этническом окружении сформировалась амурская группа.

Влияние иноэтнической среды и специфика условий новых мест обитания способствовали заметным изменениям в хозяйственно-культурном типе низовских негидальцев. Находясь в тесном контакте с ульчами и нивхами, негидальцы подверглись определённому воздействию. Рыболовство начало доминировать, таёжная охота отошла на второй план. Собаководство, ставшее преобладающим, отразилось и на некоторых аспектах духовной культуры, в частности, это сказалось на обрядности, связанной с промыслами и ритуалами жизненного цикла.

Верховская группа, в свою очередь, контактировала с амгунскими эвенками. Эти контакты стали причиной нивелирования многих элементов культуры. Тем не менее эта группа сохранила язык, этнические традиции и что немаловажно — самосознание. Собаки имели большое значение, кроме выполнения промысловых функций они были незаменимы в ритуальной практике.

Многие аспекты в культуре тунгусо-маньчжуров имеют больше общего, нежели особенного, в частности, это проявляется в промысло-

вой лексике. Термин *нина-инда* является видовым наименованием собаки в тунгусо-маньчжурских языках. В эвенкийском языке он звучит как *ина*, в нанайском — *инда*, в ороцком — *инаки*, у солонов — *нинахи-инаха*, негидальская форма термина — *нинахин*. Кроме того, рассмотренные термины имеют родство с японским *ину* (собака). Лингвисты склонны считать, что сходство не может быть случайным и вряд ли является результатом заимствования. Очевидно, у тунгусо-маньчжуро-японского слова общее древнее происхождение¹. Половозрастные названия собак у негидальцев мало отличаются от общей тунгусоязычной терминологии. Так, сука *укэчэн* (верх. д-кт) или *ухэчэн* (низ. д-кт); щенок *качикан* (верх.) или *качихан* (низ.), кобель *мукэти* (верх. и низ. д-кт)². У нанайцев, ульчей название суки *вэчэ*, щенка — *кэчиэкэн*.

У негидальцев имеется аналогичный термин *мукэти*, используемый горинскими нанайцами по отношению к самцу соболя, буквальный его перевод «вонючий», поскольку самцы этих животных издают специфический запах³. Анализ терминов подтверждает наличие общего культурного пласта, связанного с промысловой деятельностью тунгусоязычных народов Амура.

Основное занятие негидальцев — охотничий промысел, поэтому значение собаки как помощника в промысле лося, медведя, кабана, изюбря, соболя, белки и других животных исключительно велико. В тунгусо-маньчжурской охотничьей лексике названия охотничьих собак квалифицировались по их рабочей специализации. Так, у эвенков *бэйуман* — собака, хорошо охотящаяся на оленя и лося, *торокиман* — собака для охоты на кабана, *улукимэн* (*улумэн*) — собака-бельчатница. У эвенов собака, охотившаяся на медведя, называлась *накиман*, собака-волкодав — *н,ончакаман*⁴. У негидальцев более узкое распределение охотничьих собак по специализации. Собаку, с которой охотились на дикого оленя, называли *хираман*, лосятницу — *бэйуман*, бельчатницу — *олохиман*, соболятницу — *сэйэпман*, медвежатницу — *амахаман*. Как видим, в названиях рабочих специализаций собак обычно отражалось название промысловых животных. Например, *амаха* (*ама*) — отец, старик у многих тунгусо-маньчжурских народов имеет ещё и иносказательное название бурого медведя. Общее название охотничьей собаки у негидальцев *бэйигдэ*⁵.

Охотничья лексика негидальцев позволяет определить видовое разнообразие промысловых животных, на которых осуществлялась охота. Способы дрессуры на определённое промысловое животное, воспитание у собаки особых промысловых качеств позволяют констатировать функционирование развитой культуры охотничьего собаководства. Каждый негидальский охотник вносил свой мировоззренческий и промысловый опыт, который со временем приобретал характерные этнические черты и передавался из поколения в поколение. Среди признаков отбора лучших щенков следует отметить наличие чёрной пасти, чёрных подушечек лап, шестого (прибылого) пальца. Поднимая щенка за хвост, смотрели — если изгибается да ещё и пытается укусить за руку — это будет хорошая собака. Если на лапах щенка сросшиеся пальцы, такого принято считать

соболятником. Эти и другие способы отбора щенков являются результатом наблюдений и практики охотников-промысловиков.

В большой популяции собак всегда встречаются особи, охотничьи пристрастия которых в большей или меньшей мере были ориентированы на промысел строго определённых животных. Эти природные склонности развивались и направлялись негидальцами с учётом особенностей, повадок промысловых зверей.

При установлении рабочего типа собаки промысловики должны были определиться, по какому зверю она будет работать. Для охоты на пушного зверя предпочтительны небольшие, лёгкие, быстрые лайки со звучными голосами. Для охоты на крупных животных отбирались рослые, злобные и сильные зверовики. В непроходимой, заваленной буреломом тайге, с глубоким снежным покровом мелкие собаки быстро выбивались из сил, поэтому отбор ориентировался на соответствующие особи. Мощная и рослая, с плотным и густым шёрстным покровом и выраженной агрессивностью зверовая лайка прекрасно подходила для охоты на крупного зверя. Лёгкие, небольшие лайки по мелкому пушному зверю использовались до выпадения глубокого снега. Таким образом, приамурские промысловики, вопреки сложившемуся мнению об однотипности их собак, применяли строго специализированных лаек.

В хозяйстве негидальцев важное место занимает транспортное собаководство, которое разделяется на два вида — тягловое и ездовое. Универсальные собаки были незаменимы при забросках грузов на далёкие промысловые участки, по прибытию в места охоты с ними начинали добывать зверя.

Негидальские охотники перевозили грузы на амурской нарте *хуктивун* с полозьями, загнутыми с двух сторон. Охотник впрягался в нарту, надевая через плечо кожаный хомут *ейипун*, *ийипун* (низ. д-кт нег. яз.) — лямка, ремень, на котором тащат нарту, *ей* — *ий* (низ., верх. д-кт нег. яз.) — волочить, тащить на лямке нарту. Управление нартой осуществлялось с помощью оглобли *тусувун*. Одна, две, три собаки помогали охотнику тянуть нарту. Впрягали, как правило, охотничьих собак, обладавших большой силой, ездовых в такие поездки брать было невыгодно. Охотничьи лайки зверового типа транспортировали грузы и помогали на промысле.

Упряжное собаководство у низовских негидальцев типологически не отличалось от ульчского и нивхского. Негидальские каюры *бэя хуктун* пользовались терминологией с этнической спецификой.

Как известно, в прошлом у негидальцев в хозяйстве были известны два типа транспортного собаководства: амурский и восточно-сибирский. Хотя следует отметить, что у современных негидальцев обеих групп (с. Владимировка, р-н им. П. Осипенко; с. Кальма, Ульчский р-н) не было зафиксировано использование амурского типа нарты. Возможно, к концу XX в. у амгунских негидальцев амурский тип транспортного собаководства перестал находить практическое применение. Такая тенденция появилась в период освоения устья Амгуни и выхода на Амур, когда негидальцы интенсивно контактировали с нивхами и ульчами, а, как известно, у этих эт-

носов восточносибирский тип собаководства был преобладающим. Преимущество восточносибирской нарты — наличие вместительного кузова, а также удобной грудной упряжи для собак. Таким образом, рыболовецкий промысел, появление такой новой отрасли, как извоз, и некоторые другие обстоятельства были причиной начала функционирования восточносибирского типа собаководства и утраты амуро-сахалинского.

У негидальцев всех территориальных групп амурский тип нарт был практически утрачен, однако в XX в. на охотничьем промысле отдельные негидальские охотники ещё использовали амурскую нарту, так как она приспособлена для передвижения в таёжной местности. Изогнутые с двух концов полозья позволяли гружёной нарте перемещаться в разных направлениях, что представляет существенные преимущества в условиях тайги. В случае изменения направления движения потяг перевязывался с передней горизонтальной планки на заднюю и движение возобновлялось в обратном направлении. Поэтому такой тип нарт широко распространён у ульчских, негидальских, удэгейских, ороческих, эвенкийских и нанайских охотников. В охотничьем промысле нивхи и айны также использовали нарту амурского типа.

Восточносибирский тип нарт имеет полозья, загнутые с одной стороны, собака нарту тянет грудью, способ её припряжки цугом, попарно. В негидальской лексике нарту называли *толгохи*, полозья — *патта*, спинка нарт (кузов) — *амадан чорохонун*, нащеп — *илкан*, настил — *халдани хатар* изготавливали из кедра или сосны. Копыт у верховских негидальцев назывался *халган*⁶. Горизонтальная дуга *уипла* предохраняла нарту от ударов о ледяные торосы, стволы деревьев и т.п., к ней крепили потяг *нусху*. Собачья упряжь состояла из хомута *алан*, подвязок хомута — *селанун*, охватывавших собаку с боков, верхнего поперечного ремня хомута — *инахин ала опла*, вертлюга — *макчихин*, поводка — *усин*, который крепился к потягу — *нусху*⁷.

Восточносибирская собачья нарта *толгоки* негидальца А.П. Казарова (с. Владимировка) использовалась на охоте, её длина 2,4 м, ширина 48 см, высота 35 см, длина настила 2,05 м, ширина 30 см. Для хозяйственных нужд, подвоза дров, воды и др. предназначены маленькие нарты *куннакан* (длина их 115 см, ширина 35 см, высота 20,5 см)⁸.

При изготовлении нарт негидальцы пользовались специальным приспособлением для сгибания полозьев *патта* унахами, которое представляло собой четырёхугольную раму с перемычками на концах. Между двумя планками рамы фиксировали распаренную в кипящей воде деревянную заготовку из берёзы или ясеня и гнули её. В нужном положении заготовку закрепляли ремнями и оставляли сохнуть. Горизонтальные и вертикальные дуги изготавливали из черёмухи или тальника, их гнули вручную.

В семьях, где нередко насчитывалось три — четыре поколения родственников, содержали три — четыре собачьих упряжки для выполнения большого объёма хозяйственных работ. Своих многочисленных питомцев хозяева различали по кличкам, которые обычно давали по масти,

например, *Хэлдэмгу* — чёрно-белый, *Ханнаин* — чёрный, *Кури* — серый, *Багдайин* — белый, *Сеннаин* — рыжий, *Этан* — чёрный с белыми бровями, *Мохалбун* — серый с белой шеей, *Чемкалан* — белоногий, *Хунтейин* — собака с продольной белой полосой на голове, *Кокчанду* — собака с белыми лапами, *Анчайин* — белощёкий (низ. д-кт)⁹.

У негидальцев верховской группы собак называли по тому же принципу, к примеру, *Кэльтэй* — белый, с чёрным глазом, *Мойго* — хорошо бежит по снегу, *Багдаин* — белый, *Коңнэин* — чёрный¹⁰. В других источниках были зафиксированы такие клички собак, как *Коннорин* (низ. д-кт), *Мокал* — белошейка, *Хелахи* — куропатка (верх. д-кт)¹¹.

Негидальские каюры квалифицировали нартовых собак согласно их положению в упряжке, передовика называли *нямни*, *нёромды*, следующая пара за передовиком — *дюла инахин*, пара у нарт — *амаила инахин*¹². Передовику как самой умной собаке каюр отдавал такие команды: *хатта* — вперёд, *тамкула* — команда упряжке — пошла; *чуй* — влево, *кай* — вправо, *пор-пор* — стой, *чой* — мимо.

Упряжные собаки были неизменными участниками спортивных соревнований и игр негидальцев. Традиционным видом спорта по праву являются гонки на собачьих упряжках *гэйин*, состязания молодых мужчин в ловкости и быстроте *толгохиты хотохоми*. Принцип последнего состязания заключался в том, что состязающиеся догоняли бегущую упряжку и запрыгивали в нарту. Благополучно догнавший упряжку и первым достигший финиша считался победителем¹³.

Собачьи бега занимали важное место в комплексе медвежьего праздника негидальцев, ульчей и нивхов. Именно с ним связывают проведение наиболее широкомасштабных состязаний в этом виде спорта. Популярностью у негидальцев пользовались состязания собак в скорости бега *нинахин халан*. Проводились они следующим образом: хозяева собак удалялись от стартовой линии на расстояние, с которого их питомцы могли услышать команду. Собака, первая прибежавшая к своему хозяину, становилась победителем. Подобные игры помимо развлекательного характера имели и элементы разумной племенной работы. Собака, победившая в подобном состязании, приобретала известность во многих селениях. Щенки, появившиеся от неё, пользовались большим спросом¹⁴.

В отпразднении современной праздничной обрядности присутствуют элементы прежней традиции негидальцев. Старожилы помнят о соревнованиях на собачьих упряжках, состязаниях в стрельбе, проходивших в 1965 г. Во время современного весеннего праздника «Последняя тропа» владимировские негидальцы соревновались в таком виде состязаний: участники разбивались на семейные пары и соревновались в катании на шкурах. В них прорезались отверстия, куда пропускался ремень-потяг, муж усаживал жену, набрасывал ляжку на плечи и бежал на камусных лыжах, стараясь опередить своих соперников¹⁵. Подобным способом негидальцы буксировали мясо добытого зверя на небольшие расстояния. Эта игра является отражением одного из видов традиционного транспортирования грузов.

Низовские старики-негидальцы помнят о проведении популярных в прошлом собачьих боёв *нинахин кусиэн*. Собаки у тунгусоязычных народов отличались добрым и мягким характером, но по отношению к зверю обладали выраженной злобностью и агрессивностью. Закалённые в жестоких единоборствах с медведем или кабаном зверовые лайки в подобных состязаниях устраивали настоящую демонстрацию бойцовых качеств. Собачьи схватки проводились в месте, специально огороженном для безопасности зрителей. Непременное условие поединка — схватка в ошейниках, к которым крепились стальные цепи. В случае победы хозяин оттаскивал своего питомца от поверженной собаки¹⁶.

Для праздничных поездок, соревнований и свадеб собачью упряжь украшали медными и бронзовыми бляхами и колокольчиками. У ульчей, нивхов и айнов в подобных поездках на собак надевали султаны *гараха*, изготовленные из конского волоса и дерева, при этом их окрашивали в один цвет для всей упряжки. По ярким цветам султанов различали участников соревнования. Для бегов использовались специальные облегчённые нарты *хуктивун* из лёгких и прочных сортов древесины. У нанайцев такие нарты назывались *нукчилэсу*. У беговых нарт передняя и задняя доски настила украшались традиционным спиралевидным орнаментом, а кузов и вертикальная дуга — разноцветными лентами. В целом собачьи бега представляли собой яркое и незабываемое зрелище, заражали азартом, передавали ощущение праздника.

Охотничьи собаки и передовики пользовались у негидальцев привилегированным положением, часто их наделяли своего рода статусом членов семьи. Для них строили индивидуальные собачьи будки — конические шалашики *омохан*. Остальные нартовые собаки содержались под навесом на привязи или им отводили место под свайными амбарами. В пути, на привалах, применялись столбики-привязи для всей упряжки *нинахин хэйкэчяйн*. Зимой негидальцы кормили собак в доме, корм *далавун* подавали в специальных деревянных корытах *даланки*, для этого предназначалась привязь *уйчиву*, для внешнего содержания собак использовались цепи *уйчэйэ*¹⁷.

Жертвенным животным у представителей двух групп служила специальная собака. Она принимала участие в похоронном обряде, в жертвенных и шаманских ритуалах. В лечебной обрядности шаман наделял собаку статусом жертвы для духа, укравшего душу заболевшего человека. В культуре жертвенной собаки у низовских негидальцев прослеживается наложение привнесённых представлений на собственно негидальские, что говорит о давних культурных связях с нивхами и ульчами. У этих этносов собака является не только жертвенным животным, но иместилищем души умершего родственника. У негидальцев такая собака называется *ханяйн нинахин*. Обычно в ряде ритуалов приносили в жертву собак белой и рыжей масти. Возможно, в этом прослеживается тенденция одного семантического ряда — у нанайцев и ульчей в жертву духам тайги предназначалась собака чёрного цвета, духам воды — белого. Нивхи в жертву птице кровной мести ударом палки убивали собаку рыжей масти¹⁸. В ритуале

принесения в жертву негидальцы извлекали сердце и, разрезав его, собирали в посудину, затем щелчками указательного пальца разбрызгивали кровь на четыре стороны света, к небу и земле. Мясо жертвенной собаки не ели, оставляли на месте жертвоприношения. Жертвенным животным собака была преимущественно у низовских родов Аюмкан, Нясихагиль и Удан¹⁹.

Собака — условная жертва при лечении заболевшего человека у негидальских шаманов. Считалось, что шаман брал с собой жертвенную собаку для «путешествия» к небесной старухе, укравшей душу больного. Собачьей кровью, взятой из под когтей, мазали изображения духов — *сэвэхи*. Такую собаку называли *сэксэ нинахин*, что значило «кровавая собака». Посвящённую собаку ни в коем случае нельзя было обижать. При крайней необходимости её запрягали в нарту, брали на охоту, но обращение с ней традицией предписывалось сугубо бережное и ласковое. В противном случае человек, которому была посвящена собака, заболел. Жертвенная собака должна была обладать необычными свойствами, к примеру, иметь разный цвет глаз — голубой и серый, необыкновенный окрас и т.п.

Культурное родство с ульчами находит отражение и в обрядовой практике негидальцев. Ульчи в прошлом содержали посвящённых собак *панян инда*, например в с. Булава собаку с такими функциями и необычным окрасом называли *Согдеко*, что означало голубая.

Представления о собаке с чёрным окрасом и светлыми бровями встречаются практически у всех тунгусо-маньчжуров, они наделяли её магическими свойствами различать злых духов и общаться с ними. Она обладала «двумя парами» глаз — брови являлись второй парой, именно эти «глаза» наделялись магической функцией. Подобные представления встречаются у многих сибирских народов. Собака с такими свойствами у нанайцев и ульчей носила кличку *Анча*, у верховских негидальцев встречается типологическое сходство в кличке *Анчайин*, низовские негидальцы её называли *Этан*²⁰. Считалось, что с помощью собаки можно распознать злого духа. Для этого нужно смотреть между её ушами в момент, когда она насторожилась.

Представления о духе-помощнике нанайского шамана *бонгомди* (буквально «передний», «впереди идущий»), вероятно, относятся к одной семантике. Дух идёт впереди и предупреждает о появлении недоброжелательных духов, при необходимости он без сомнения вступает с ними в единоборство.

В ритуалах жизненного цикла тунгусо-маньчжуров, в частности в погребальной обрядности, также имеются параллели. Традиция многих охотничьих народов предписывала, чтобы на могиле хозяина убивали собаку. Считалось, что собака поможет в промыслах в загробном мире. У негидальцев иногда бывало так, что собака исчезала перед похоронами хозяина. В этом случае полагали, что она не хотела уходить вместе с ним²¹.

В устном негидальском фольклоре встречаются сюжеты о лесных людях и их собаках. У современных негидальцев сохранились представления о *чалбоканах* — берёзовых людях. По их определению *чалбоканы* (берестяные люди) — маленькие люди. Они ведут полудикий образ жизни, не по-

являются при людях. Разводят большое количество собак. Однажды, поймав большую калугу «Адин», они съели её всем родом и погибли, остались лишь их собаки. Этих собак иногда встречают люди. Считается, что человек, часто видивший собаку *чалбокано*, обречён на смерть²².

В фольклоре многих этносов есть упоминания о лесных существах, похожих на людей, но имеющих своеобразные отличия. Они во многом повторяют поведение людей, занимаются близкими видами промыслов, имеют домашних животных и т.п. В мифологических представлениях людей образ жизни таких существ являлся отражением собственного жизненного уклада.

Анализ терминологии показал родство негидальцев в культурном отношении с тугуро-чумиканскими и амгуньскими эвенками. Собаководство было важной хозяйственной отраслью у многих сибирских этносов, особым этноидентифицирующим признаком. Тесные контакты негидальцев с улчачами и нивхами, эвенками и нанайцами способствовали появлению многих привнесённых элементов культуры. Заимствованные элементы собаководства отразились на некоторых аспектах духовной культуры, в частности в обрядности, связанной с промыслами и ритуалами жизненного цикла.

Приведённые лексические материалы негидальцев, используемые в культовой практике и промыслах, позволяют говорить о функционировании высокоразвитого охотничьего и транспортного собаководства, о важной роли собаки в хозяйственной и культурной традиции негидальцев.

¹ Новикова К.А. К этимологии названий собаки в тунгусо-маньчжурских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 185.

² Цинциус В.И. Негидальский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.

³ Полевые материалы автора в с. Кондон. 2001 г.

⁴ Новикова К.А. К этимологии названий собаки... С. 178.

⁵ Полевые материалы автора в с. Кальма. 1995 г.

⁶ Полевые материалы автора в с. Владимировке. 2005 г.

⁷ Полевые материалы автора в с. Кальма. 1995 г.

⁸ Полевые материалы автора в с. Владимировке. 2005 г.

⁹ Полевые материалы автора в с. Кальма. 1995 г.

¹⁰ Полевые материалы автора в с. Владимировке. 2005 г.

¹¹ Цинциус В.И. Указ. соч.

¹² Полевые материалы автора в с. Кальма. 1995 г.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Полевые материалы автора в с. Владимировке. 2005 г.

¹⁶ Полевые материалы автора в с. Кальма. 1995 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Крейнович Е.А. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии // Этнография. 1930. № 4. С. 51.

¹⁹ Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л.: Наука, 1971. С. 182—183.

²⁰ Полевые материалы автора в с. Кальма. 1995 г.

²¹ Полевые материалы автора в с. Владимировке. 2005 г.

²² Там же.